

**Запись введения и проповеди, прочитанных Хулианом Карроном
во время адвентовских реколлекций братства святого Иосифа**

Паченго, пятница, 29 ноября 2019 г.

*Музыка на входе в зал: Ф. Шуберт. Симфония №8 си минор «Неоконченная»
Карлос Клайбер – Венский филармонический оркестр
«Spirto Gentil». N. 2. Universal*

Кто из нас, участвуя в Дне начала года, не желал, чтобы Христос притянул его к Себе целиком и полностью? Думаю, для каждого из нас ничто так не важно в начале этой встречи, как то, чтобы Он вновь охватил наше «я» до самых его глубин. Но мы не в состоянии добиться этого сами, такая охваченность не плод наших стараний, не наше достижение. Это должно случиться. От нас требуется открытость, остальное же – благодать. Поэтому, чем сильнее мы желаем, тем усерднее просим об этом у Духа Святого. Именно благодаря Духу Христос проникает в наше «я» – так, что в конце концов становится нашим. Лишь под действием Духа Христос может проникнуть в центр нашего сердца.

Veni Sancte Spiritus

• *Canzone degli occhi e del cuore*

Всем добрый вечер. Я рад быть с вами в начале адвентовских реколлекций и вместе смотреть на то, что нам дороже всего. А что нам дороже всего? Во время Адвента, который начнется в воскресенье, Церкви дороже всего ожидание. Мы ожидаем! Ожидая, мы желаем подготовиться к событию Христа, к Рождеству. Каждый год, начиная Адвент, я не могу воспринимать ожидание как должное. Действительно, сколько есть людей, которые не ждут? Многим нечего ждать. То, что мы ожидаем, вовсе не само собой разумеется. И потому каждый из нас должен спросить себя: «Почему мы ждем? Почему наша жизнь полна ожидания и желания?» Уж конечно, не потому, что мы лучше других. Спросим же себя: «Кто дает нам это желание, кто пробуждает в нас способность ожидать?»

Ожидание присуще нашей природе (а природа у всех нас одна), но часто мы встречаем людей, которые больше не ждут. Так почему же тогда мы ждем? Потому что с нами что-то случилось. Мы ждем, потому что Христос уже пришел и пробудил в нас всю тоску по Нему, все желание, все ожидание Его. Подумаем о себе, обо всем нашем ожидании. Каковы его истоки, если не факт Христа? Как когда ощущаешь тоску по любимому человеку: нужно, чтобы сначала случилась встреча с ним или с ней. Так и ожидание Христа уже есть знак Его присутствия в нас, постоянно пробуждающего в нас это ожидание, которое Церковь призывает еще больше переживать во время Адвента.

Чего мы ждем? Мы ждем Его присутствия. Мы ждем Его возвращения. Поэтому-то Церковь связывает ожидание Христова пришествия в Рождество с Его последним пришествием. Как не желать встречи со Христом? Какое есть единство между ожиданием Его присутствия, Его Рождества с окончательным Его пришествием! И тут нельзя не вспомнить вопрос Иисуса, который мы цитировали на Дне начала и который мы услышали от отца Джуссани в начале

2018 года: «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?» (Ср. Лк. 18:8). Найдет ли Он в нас веру или застанет нас по горло в делах? Увидит ли Он нас озабоченными множеством хлопот ради Него, ради Его Церкви, но, как говорил отец Джуссани, с сердцем, далеким от Христа, ибо Он перестал быть для нашего сердца сокровищем? Вот вопрос, который кажется нам все более уместным, ведь можно заниматься множеством правильных дел, но нередко замечать, что наше сердце не принадлежит Ему! Когда так происходит, Его словно нет, Христос словно недостаточно притягателен, чтобы охватить все в нас, Он словно не отвечает в полной мере на ожидание, которое Сам же и пробудил в нас. Но, если Он не наполняет наше сердце, мы в конце концов волей-неволей станем отвлекаться на что угодно еще. Если Он больше не охватывает нас, не удерживает нас, мы оказываемся во власти всего остального. То, о чем мы говорили на Дне начала года, – проверка для каждого из нас. Все мы живем в атмосфере нигилизма, описанной Галимберти, где, кажется, ничто не в силах целиком привлечь нас, мы превращаемся в дрейфующие мины. Если ничто не притягивает нас всецело, мы находимся во власти всего: наших дел, тревог, мыслей.

Вернись Он в этот самый момент, нашел бы Он еще кого-то, охваченного Его присутствием, нашел бы Он кого-то полностью охваченного верой в Него. Повторю: можно заниматься множеством дел и не быть охваченными. Это почти неизбежно. Возьмем фразы, которые отец Джуссани цитирует в начале книги «Прочертить след в истории мира», фразы, которыми он жил на протяжении долгих лет (например, эту: «Что есть человек, что Ты помнишь о нем, и сын человеческий, что Ты посещаешь его» – Пс. 8:5), и сравним с тем, как мы их воспринимаем. Не знаю, случается ли с вами так же, но я всегда говорю себе: «Посмотри, как важны они были для него!» Не поймите неправильно это мое утверждение, его цель – не самобичевание за то, что мы не дотягиваем до его уровня, я хочу пробудить всю нашу зависть. Чего мы лишаемся, если с нами не происходит то же, что происходило с отцом Джуссани, когда он слышал определенные евангельские вопросы? Я говорю все это, чтобы вернуть нам все наше желание переживать такой же точно опыт. Если отец Джуссани мог жить так, то и мы можем. Об этом говорил один человек, который только пришел сюда и уже был весь охвачен: «Можно ли жить так?»

Есть ли что-то прекраснее, чем начать путь в Братстве святого Иосифа с этого вопроса? «Можно ли жить так?» И мы можем ответить: «Да». Да, ведь мы видели, как кто-то жил так вплоть до последнего мгновения. Почти в конце его жизни мы слышали, как отец Джуссани сказал на площади Святого Петра перед папой и перед всей Церковью: «„Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?“ Ни один вопрос в жизни не поразил меня так, как этот» (Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М., 2019. С. 4). Настолько он охватил его! Поэтому не тратьте время на то, чтобы соизмерять себя с ним, а превратите желание жить так в просьбу ко Христу: «Господи, я не хочу потерять жизнь, живя. Я хочу быть охвачен так, как я видел, как я вижу это в Джуссани, как вижу в людях рядом со мной, даже в тех, кто пришел последним». Как часто люди, появившиеся только что, возвращают нам, пребывающим здесь давным-давно, всю свежесть призвания, как наша подруга, спросившая: «Можно ли жить так?»

Какая ответственность лежит на нас: свидетельствовать тем, кто приходит, и друг другу, что так жить можно, – свидетельствовать не на словах, а самой нашей жизнью, охваченной Христом. Чего еще желать для себя? Того, чтобы, когда Христос вернется, Он нашел еще в нас личность, как магнитом притянутую к Нему, всецело охваченную им. Если Он не притягивает нас, то и ничто другое не притянет. Мальро, французский писатель, говорил: «Нет идеала, ради которого мы можем пожертвовать собой, ибо всем нам известна наша ложь, нам, не знающим, что такое истина» (А. Malraux. *La tentation de l'Occident*. Paris: Bernard

Grasset, 1926. P. 216). Если бы не было ничего по-настоящему истинного, по-настоящему притягательного, по-настоящему прекрасного и способного привлечь и охватить нас, прав был бы Мальро.

А что же мы? Есть ли у нас внутренний ресурс, благодаря которому мы позволяем привлечь себя? Часто мы думаем: «Да, у нас есть наша воля, наши силы, наша готовность браться за дела». В действительности же не так. У нас есть что-то гораздо более простое, поскольку, чтобы позволить охватить себя, не нужны какие-то особые способности. Знаете, что нужно? Что-то, что превращает места, как ваше братство, в шанс для любого человека, с любой жизненной ситуацией, любого возраста, в любых условиях и обстоятельствах. И что же это? Наша человечность, ваша человечность. Вы для меня сегодня – самое грандиозное зрелище того, как Христос может охватить любой тип человечности! Неважно, в какой ситуации ты находишься. Достаточно позволить Ему охватить тебя таким, какой ты есть. Именно эта наша человечность, на которую мы часто смотрим в расстройстве, потому что где-то что-то не сходится, потому что она нам не нравится, потому что мы замечаем в ней слишком много недостатков, – именно она единственная, одна-единственная может быть охвачена Христом, покорена им до самых глубин. Радостно видеть это в Евангелии и в вас: каждый, с собственной жизненной дорогой, с собственными трудностями, с собственной историей, может быть охвачен, как грешница, о которой мы говорили на Дне начала года. Та женщина пыталась утолить свое желание разными способами (как и самарянка, сменившая пять мужей), но что еще оставалось в ней, несмотря на все ее ошибки? Ее человечность (со всеми ее промахами); и потому, когда она встретила того Человека, Иисуса, Он настолько притянул ее, что невозможно было ее остановить, она всем бросила вызов и отправилась в дом фарисея, чтобы омыть Ему ноги слезами. Это одна из самых прекрасных вещей, которым научил нас отец Джуссани: непрестанно вживаясь в Евангелие (тогда как мы часто читаем эти рассказы, считая их очевидными), вживаясь в него раз за разом, он приводил нас в трепет, показывая, как Иисус обращается к нашей человечности, как Иисус обращался к раненой человечности, порой полной недостатков, и ничто Его не останавливало.

Если бы мы хоть на мгновение посмотрели так на нашу человечность! Если бы хоть на мгновение изумились и испытали нежность по отношению к нашей человечности! Какой настал бы праздник. Праздник! Как говорил отец Джуссани на площади Святого Петра в 1998 году: «Ни одна женщина не слышала иного голоса, который говорил бы о ее сыне с такой неподдельной нежностью и безусловным уважением к плоду чрева ее, с такой абсолютно позитивной оценкой его судьбы – только голос еврея Иисуса из Назарета. <...> ...ни один человек не мог слышать утверждения его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов». Какое освобождение! «Вне зависимости от его успехов. Никто в мире не мог говорить так!» (*Прочертить след в истории мира*. С. 5). Что волновало отца Джуссани на протяжении всей его жизни, чтобы он говорил такое? Он не читал и не слушал какое-то другое Евангелие, отличное от нашего. Евангелие было то же, что читаем и мы, но мы часто не воспринимаем его так, как воспринимал он. В результате наша жизнь не охвачена Христом. Какой опыт должен был пережить отец Джуссани, чтобы сказать: «Только Христос принимает к сердцу всю мою человеческую сущность. <...> „Кто может сказать о человеколюбии Христа миротворящего?“ Я повторяю эти слова вот уже более пятидесяти лет!» (*Там же*. С. 5). Лишь если наша человечность настолько охвачена, объята, мы можем стать по-настоящему самими собой. И тут нужно не наше усилие, а готовность позволить Ему охватить нас целиком и полностью: «Христос влечет меня всего, столь Он прекрасен!» (*Jacopone da Todi. Lauda XC // Le Laude*. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1989. P. 313). Поэтому-то отец Джуссани всегда говорил нам (об этом можно прочитать в начале книги «У истоков христианского притязания»),

в первом абзаце, и как же трогательно всякий раз возвращаться к его словам!): «Только внимательное, а также нежное и полное пламенной любви осознание себя самого [почувствуйте разницу с тем, как мы обходимся с нашей человечностью и как отец Джуссани смотрит на свою] может распахнуть и расположить меня к признанию Христа... Без этого сознания даже Иисус Христос становится всего лишь именем» (Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М., 2010. С. 7).

И потому поразительно слышать, как люди выступают, например, на школе общины. Помните свидетельство одной нашей подруги, которая сегодня здесь, с нами? Она встретила молодую маму мусульманку, и та в какой-то момент сняла никаб и показала ей свое лицо. Какой силы взгляд она должна была ощутить на себе, чтобы поступить так? Ее поступок говорит о Христе больше, чем любые речи, которые мы можем вести о Нем. Поэтому не смущайтесь, как некоторые, когда я использую выражение «до самого нутра»! Если бы та женщина во встрече с нашей подругой не ощутила себя охваченной до самого нутра, она не сняла бы никаб, даже под страхом смерти! Она же вся была пронизана, как говорил отец Джуссани перед папой: «Признание того, что такое есть Христос для нашей жизни, пронизывает... наше мироощущение» (*Прочертить след в истории мира*. С. 5), – даже если человек еще не понимает, что с ним произошло. Что испытала та мама, что позволило ей стать настолько самой собой, настолько свободной и выразить всю себя, открыться перед нашей подругой? Кто не хотел бы, чтобы Христос так притянул его?

Мы начинаем время Адвента с желанием, чтобы Рождество не было простой формальностью, ежегодным праздником, который нужно отметить и в который мы не ждем ничего, кроме семейного обеда. Какой силой обладает событие Христа! В этом убедились пастухи, Богоматерь, святой Иосиф! Перед потрясающим фактом радость – радость! – захлестнула их жизнь. Видно было, что они что-то признали, так как радость переполняла их сердце. Отец Джуссани с невероятной точностью описывает, что происходит, когда человек признает Его: «Истинность подобного признания доказывается тем, что жизнь... обретает окончательную, упорную способность радоваться» (*Там же*. С. 6).

Вот почему, видя некоторых персонажей Евангелия, которые в простоте сердца принимают всю пламенную любовь человека Христа к их человечности, мы остаемся без слов: «Когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать». Кричать можно лишь перед кем-то, ждешь всегда того, кого встретил. Мы ждем, потому что нам довелось Кого-то встретить. Мы кричим, потому что среди нас присутствует Кто-то, к кому можно обратиться. Многие видели Иисуса, когда Он проходил мимо них, но кто кричал? Только слепой. «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Многие, те, кто не ощущал потребности кричать, потому что им не нужно было, чтобы Он ответил их человечности, упрекали Вартимея и заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: «Сын Давидов! помилуй меня» (*Мк.* 10:46–48).

Что делает Иисус, когда видит в нас столь сильное желание? Слепорожденный не участвовал в духовных упражнениях, он просто прислушался к своей человечности. Не требуется оканчивать курс в Гарварде, не требуется ничего особенного – только желать. Вартимей был таким же, как и остальные люди, с одной лишь разницей: ему дорога была его человечность, ему нужно было все – меньшим он не довольствовался и потому кричал. Тогда Иисус, пока другие пытались унять Вартимея, «остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня?» (*Мк.* 10:50–51). Иисус взволнован нашей ничтожностью, нашей человечностью, как она есть. «Что есть человек, что

Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» В Иисусе воплощен ответ на вопрос восьмого псалма. Что же Он видит в нас, чего не видим мы? Мы тоже должны кричать: «Учитель! чтобы мне прозреть!», чтобы мы могли видеть. Иисус дал слепорожденному гораздо больше, чем физическое зрение. Исцелив его, Он не просто позволил ему видеть того, кто находился перед ним; Он расширил его зрительную способность, так что Вартимей смог признать исключительность Его присутствия. Действительно, дальше Иисус сказал ему: «Вера твоя спасла тебя». Евангелие добавляет: Вартимей тут же последовал за Ним. Что такого он увидел, что не мог не последовать за Ним?

Вера, которую Иисус имеет в виду, когда спрашивает: «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?» – не результат наших усилий. Она состоит в простом признании, рождающемся, когда Он притягивает, охватывает нас, как случилось с Вартимеем: «Чтобы мне прозреть... И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Мк. 10:51–52). Следование – не наше усилие. Мы следуем, поскольку не хотим потерять то, что увидели.

Поэтому в начале наших реколлекций будем просить, чтобы Он прилепил нас к Себе, прилепил «целыми пригоршнями клея», ведь, если Христос не прилепляет нас к Себе, Он, вернувшись, не найдет в нас веры. Возможно, Он найдет людей по горло в делах, но не охваченных, не притянутых Им.

Воспользуемся этими днями, чтобы помочь друг другу, поддержать друг друга в этом крике, в крике слепорожденного: «Господи Иисусе, помилуй нас!» Крик этот рождается от желания быть притянутыми им. Тогда мы сможем вновь изумиться Его приходу. Пусть Он найдет нас жаждущими Его! Если бы Он пришел сейчас, если бы вдруг Он пришел сейчас (было бы идеально, если бы Он пришел так скоро!) и увидел все братство святого Иосифа жаждущим Его, разве не было бы это прекрасно? Разве не было бы это прекраснее всего? Кто этого не желает? Ничто с этим не сравнится. И потому давайте просить Его, давайте поддерживать друг друга в крике, обращенном к Нему грядущему. Просить в молчании, чтобы ничто не отвлекало нас от этого крика. Чем сильнее мы жаждем Его, тем больше оставляем Ему места, чтобы Христос охватил все в нас. Так, каким бы образом Он ни пришел в нашу жизнь, мы услышим, как слышал слепорожденный: «Вера твоя спасла тебя». Иными словами, признание Его спасло тебя, твоя открытость спасла тебя, твое согласие, чтобы Он вступил в твою жизнь – не твои заслуги, а твое согласие спасло тебя. А что такое спасение? Спасение не случается как нечто обыденное, спасение – это когда ты охвачен, приведен Им в трепет.

Мы не желаем ничего иного – лишь быть всецело притянутыми Христом, Христом грядущим. Мы говорили на Дне начала года: «Так можно проверить, присутствует ли Бог в истории, действует ли Христос в нашей жизни: если мы «прикованы», притянуты Им» (Х. Каррон. *Кто сей?*). Христос облекся в нашу человечность, как раз чтобы притянуть нас к Себе. Если Его далекая от нас божественность вновь не становится конкретной, человеческой, плотской, исторической – настолько, чтобы притянуть нас, мы уподобимся дрейфующим минам, даже если и дальше будем состоять в ассоциации или в Церкви или в каком угодно христианском клубе. Дело не в том, чтобы иметь «клубную карту», настоящий вопрос только один: мы должны быть притянуты Им настолько, чтобы кричать всему миру: «Есть Христос, есть Тот Единственный, Кто отвечает нашей ничтожности!» Есть Тот, Кто заботится о нас. Есть Тот, Кто спасает нас, не позволяя нам оказаться заложниками всего на свете. Есть Присутствие, способное навеки очаровать нас, в какой бы ситуации мы ни находились, в любом возрасте, в любых условиях, в рамках любой истории, несмотря ни на какие наши раны. Все это не препятствие. И кто может кричать об этом лучше вас? Откуда может родиться более прекрасная, более величественная симфония, в которой никто не чувствует себя отверженным? Какое утешение, что в Церкви Божией есть места, как ваше братство, где можно встретить

таких отличных друг от друга людей, преодолевших все тяготы и все трудности жизни, оказавшихся в самых разных жизненных условиях. Сложно найти более разнородную группу, думаю, даже невозможно. Но, значит, то, чем вы живете, – для всех, для всех без исключения. Тут отпадают любые отговорки, ведь все дело лишь в том, чтобы быть охваченными, притянутыми Христом присутствующим.

Как я говорил вашим друзьям из руководства братством святого Иосифа, когда я думал о вас, мне вспомнилась одна фраза, хорошо выражающая ваше призвание. Форму его можно коротко описать словами отца Джуссани: «Сила субъекта заключается в интенсивности его самосознания» (L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: Bur, 2015. P. 132). Каждый из вас в условиях, в которых живет, во всем полагается на осознание того факта, что вы притянуты Христом. В этом ваша сила, в этом сила вашего свидетельства о Христе, выражающегося бесконечным числом способов. Невероятно, что в Церкви Божией есть такое место. Здесь подтверждается победа Христа, победа, о которой вы свидетельствуете всему миру, просто позволяя Ему покорять вас. Во время мессы будем просить о такой простоте.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Дан. 7:2–14; Дан. 3:75–81; Лк. 21:29–33

ПРОПОВЕДЬ

Услышав чтение Книги пророка Даниила, в котором говорится о множестве странных зверей (словно нам показали сцену из фильма), мы произнесли: «Слово Божье. Благодарение Богу». Но за какое слово мы благодарны Богу? И что это за странная книга? Этот литературный жанр возник в момент гонений на израильский народ, и поэтому, чтобы поддерживать в евреях веру, нужно было говорить на языке, недоступном врагам. Никто его не понимал (как и вы), кроме тех, кому разъяснили смысл образов. Описывая видение больших зверей, вышедших из моря, из морской пучины, Даниил говорит народу о царствах, которые воюют против Израиля, против верных Богу Израиля. Первый зверь напоминает льва с орлиными крыльями, второй похож на медведя и т.д. (вроде странных существ из фильмов, которые смотрят ваши внуки). Они символизируют власть, тогдашние империи, преследовавшие евреев. Во времена, когда писал пророк Даниил, Израиль притесняли потомки Александра Великого (мы читали об этом недавно в отрывках из Книги Маккавейской). Итак, цель этого литературного жанра, называющегося апокалиптическим, состояла в том, чтобы поддерживать веру в народе. Даниил словно говорит: «Посмотрите, империи эти – ничто, буквально ничто; кажется, будто они обладают силой, вселяющей страх, ужасающей, но на самом деле они ничто». И правда, наряду с рассказом о могуществе зверей пророк добавляет новый образ – Древнего Днями, который представляет Бога и описывается точно так, как на языке Ветхого Завета описывается божественное. Одежда Его – как белый снег, волосы Его – как чистое руно. Престол Его – пылающее пламя. Даниил прибегает к образу старца, восседающего на престоле и судящего все народы, чтобы гонимые евреи не пребывали в страхе. Действительно, Древнему Дням служили тысячи тысяч, и тьмы тем стояли перед Ним. Он производит суд: «Отнимется власть», – что значит: «Власть и существование каждого царства, представленного зверями, конечны, не бойтесь! Кажется, будто они вечны, но на самом деле они ничто». Почему?

Потому что идет «как бы Сын человеческий» и «Ему дана власть, слава и царство». Именно так Иисус опишет Себя: «Сын человеческий». Он же скажет: «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?» (Ср. *Лк.* 18:8). Иными словами: «Когда Я вернусь, найду ли еще кого-то, верующего в силу Моего присутствия?»

Мы тоже, подобно народу Израиля, чувствуем себя осажденными, и порой нас пугает ситуация, в которой мы существуем, обстоятельства, в которых мы призваны жить нашей верой. Поэтому-то Церковь сегодня и предлагает нам такие чтения, словно говоря: «Все это ничто, ничто, в буквальном смысле ничто! Но есть ли еще кто-то, кто верит в Него и не позволяет этим вещам испугать его?» И какой знак она нам подает? Тот, что описан в Евангелии и говорит красноречивее, чем даже пророк: «Посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то вы... знаете сами, что уже близко лето». Во время Адвента нам не раз предлагается образ цветения. Ты словно смотришь на огромный ствол, иссохший на 99,9 %, на котором появляется бутон. Один бутон! Кто положился бы на маленький бутон?! И тем не менее, огромный иссохший ствол не в состоянии устранить бутон. В нем – вся надежда на то, что дерево оживет. В бутоне. Все остальное – ничто, и не может что-либо противопоставить силе этого бутона. С помощью этого образа Иисус говорит: «Если вы не смотрите на бутон, который Я помещаю перед вами в момент гонений (в тогдашние и в нынешние времена), в момент смятения, если вы не обращаете внимание на этот бутон, страх поглотит вас».

Иисус уверяет нас: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут». Вот уверенность, благодаря которой мы можем сказать: «Да. Слово Божье. Благодарение Богу», – ибо Его слово исполняется. Знаете, почему исполняется? Потому что от всех царств времен Александра Великого, мидян, персов, Навуходоносора не осталось ничего, равным счетом ничего! А Он остается, как свидетельствует каждый из нас, признавая Его. Его слова не прейдут, и сегодня мы тому доказательство.